

1

Кейт на цыпочках вышла из детской: близнецы наконец заснули. Как всегда, она прочитала им сказку при свете ночника, сидя на ковре между двумя кроватками. Чаше всего первой засыпала Ханна, а Люк — спустя несколько минут.

Она вернулась на кухню и увидела, что Скотт уже стоит за разделочным столом. Аккуратно нарезаая картошку кружочками и бросая их на сковородку, он не заметил, как она вошла. Если он рано возвращался домой, то с удовольствием занимался ужином или купал близнецов.

— Налить тебе вина? — предложила Кейт.

Жить со Скоттом, быть его женой и матерью его детей — все это наполняло ее счастьем, которому она до сих пор не могла поверить. Ей казалось невероятным, что этот мужчина, о котором она еще девочкой столько мечтала, ни на что не надеясь, мог страстно влюбиться в нее и просить стать его женой.

Обернувшись, он с улыбкой кивнул, а пока она наполняла бокалы шардоне, сообщил:

— Я приготовил салат и запек в духовке утиные окорочка. Как видишь, я вполне могу справиться.

— Может быть, и все-таки мне ужасно не хочется оставлять тебя одного.

— Всего на три дня, Кейт! Ничего страшного не случится ни со мной, ни с детьми.

Темно-синие глаза, правильные черты лица и высокая, стройная фигура делали Скотта неотразимым. Он все еще был похож на того юношу, которого она впервые увидела десять лет назад, только приехав в Шотландию. Кейт с первого взгляда попала под его обаяние, тем более что он относился очень тепло к растерянной девочке-подростку, которую ему неожиданно навязали вместе с ее братьями.

— На нашу няню вполне можно положиться, дорогая. И я постараюсь быть дома как можно больше.

Кейт знала, что он очень занят; управление двумя винокурнями не оставляло ему времени ни на что другое. Но она не сомневалась — он сделает все возможное, чтобы вырваться домой. Скотт обожал близнецов и к тому же никогда не давал легкомысленных обещаний.

— Поезжай спокойно, Кейт. Повидаешь Францию!

Ей надо бы радоваться, но радости не было. На эту поездку ее уговорил Скотт, уверенный, что она мечтает о ней, но на самом деле Кейт совсем не скучала ни по Франции, ни по своему брату Джону, хотя и считала вполне естественным отозваться на его просьбу о помощи.

— Почему Джон не поговорил с Джорджем или с Филипом? — спросила она уже в который раз. — С ними он был гораздо ближе, чем со мной.

— Наверняка боялся, что они его осудят.

— Скажи лучше, что он считает их предателями, потому что они тоже остались в Шотландии!

— Ты самая добрая в семье, и Джон прекрасно это понимает. Он постарается тебя разжалобить, не слишком ему поддавайся.

Он приподнял крышку над сковородкой, но она выскользнула и с грохотом упала на плиточный пол. На мгновение оба задержали дыхание. Через несколько секунд в детской поднялся плач.

— Ой, прости, — пробормотал Скотт.

— Лишний повод напомнить тебе, что нам здесь тесновато, — с улыбкой ответила она.

— Кейт!

Стараясь сдерживать досаду, он посмотрел ей прямо в глаза и покачал головой.

— Если это для тебя так важно, давай поговорим, — сказал он, сдаваясь. — Но сначала я зайду к детям.

Разговор о том, что квартира стало для них мала, возникал постоянно. Скотт предлагал продать ее и найти более просторную, но Кейт думала о другом. Она мечтала вернуться в Джиллеспии, считая его идеальным местом для детей. Скотт там родился и обожал родной дом — элегантный викторианский особняк, расположенный между морем и холмами, однако он и слышать не хотел о том, чтобы жить в нем вместе со своей тещей. Это была запрещенная тема, и стоило жене намекнуть на такой вариант, как она словно наталкивалась на глухую стену. Это была их первая размолвка, но очень серьезная. В глазах Кейт возвращение туда сулило одни выгоды. Океан в двух шагах, бескрайняя равнина до самого горизонта, просторный дом, в котором каждый мог чувствовать себя независимо, и особенно окружение семьи с отцом Скотта, матерью Кейт, обожаемой

тетей Мойрой и незаменимым кузеном Дэвидом. Вся эта родня, которая предпочтительнее любой няни, создала бы вокруг детей защитную стену, а Кейт смогла бы найти работу преподавателя. Несмотря на рождение близнецов, она не бросила учебу и даже успешно закончила университет: Скотт сделал все, чтобы облегчить ей эту задачу. У нее были сложные периоды, но все-таки она получила диплом, и теперь хотела преподавать сама. Скотт был согласен, он во всем был с ней согласен, за исключением возвращения в Джиллеспи. Это было тем более абсурдно, что он сам очень страдал от того, что не жил *дома*. Это слово, которое он произносил, не задумываясь, говоря об имении своих предков, выдавало его привязанность к семейным корням. Увы, его разногласия с Амели, матерью Кейт, не оставляли никакой надежды на то, что он передумает.

— Они заснули, — прошептал Скотт, вернувшись из детской.

Он тщательно закрыл кухонную дверь и улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, перед которой было просто невозможно устоять.

— Они просыпаются от малейшего шума, но мы не можем все время ходить на цыпочках и говорить шепотом, — заметила Кейт.

— Это холостяцкая квартира, дорогая. Почему ты не хочешь просто найти другую? Грэм подыскал бы нам жилье попросторнее и более подходящее для семейной жизни.

Он говорил о своем лучшем друге, который занимался наследственными делами и недвижимостью. Благодаря ему несколько лет назад Скотт приобрел эту удобную

трехкомнатную квартиру, правда, с крохотной кухней, в самом центре Глазго. Гостиная, когда-то просторная, теперь была забита игрушками, манежем, двухместной коляской и детскими стульчиками. Бóльшая из двух спален была сразу отведена близнецам, и Кейт, не имея возможности поставить письменный стол в супружеской спальне, была вынуждена подолгу сидеть в университетской библиотеке.

— Мне не очень хочется снова жить в квартире, — возразила она. — Другая обойдется дороже, и по-прежнему придется платить няне...

Скотт обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Здесь мы, по крайней мере, сами воспитываем своих детей. Не хочу, чтобы этим занималась твоя мама.

— Ты ее не любишь, я знаю, но...

— И это взаимно, не правда ли? Она относится ко мне как к врагу, воображает, что *заставила* меня жениться на тебе, хотя тогда я все отдал бы за то, чтобы ты сказала «да»! Каждый раз, когда мы приезжаем туда, у нас возникают конфликты из-за близнецов, по ее мнению, я все делаю неправильно. Не сомневаюсь, что так и буду у нее в немилости, а ведь моего отца очень расстраивает эта ситуация. Неужели ты хочешь, чтобы он наблюдал это ежедневно? Да, Джиллеспи — моя мечта, никто не любит его так, как я, и это *мой дом*, но я дорожу своей независимостью. Нашей независимостью.

— У тебя ужасный характер, — вздохнула Кейт. Она чувствовала, что ее слова несправедливы, потому что с ней Скотт был всегда нежен. Но его снисходительность не распространялась на других, которым он мог казаться высокомерным и обидчивым.

— Утка пересушится, — коротко бросил он, выключая духовку.

Его пиджак и галстук за неимением спинки стула висели на ручке двери, потому что у них было только два табурета и одноногий столик, который заменял обеденный. И хотя сейчас Скотт с расстегнутым воротом рубашки, заботливо раскладывая картошку на тарелках, выглядел очень привлекательным, Кейт решила не уступать.

— Скотт, ты только что спросил меня, и я тебе честно скажу: да, для меня это очень важно. У моей матери много недостатков, готова это признать, но она не может быть препятствием. Наоборот. Она любит детей, она одна вырастила четверых...

— Но предпочитает тебе братьев! Если мы доверим ей близнецов, она поставит на первое место Люка в ущерб Ханне.

— Она в Джиллеспии не одна. Твой отец и Мойра будут опекать их обоих. Ты обожал детство, проведенное там, почему же хочешь лишиться этого своих детей? Мы здесь задыхаемся! И не только в этой квартире, но вообще в Глазго, где нечем дышать! Представь, какую радость они бы испытывали, если бы могли бегать повсюду!

Чувствуя, что сейчас вспылит, Кейт продолжила более спокойным тоном:

— К тому же, любимый, тебе будет проще добираться до винокурен, будь то Гринок или Инверкип.

— А ты? Если тебе удастся найти работу в Глазго, то будешь полностью зависеть от машины.

— Я не буду работать каждый день, у школьников много каникул.

Расстроенная очередной размолвкой, она примири-тельно улыбнулась.

— Ты можешь хотя бы подумать об этом, а не отвергать мои предложения с ходу?

— Обещаю.

Он ответил слишком поспешно, чтобы убедить ее в своей искренности.

— Вообще-то, я не думаю, что буду искать работу перед началом учебного года, — призналась Кейт. — Я недостаточно занималась близнецами из-за этого чертового диплома и теперь хочу проводить с ними больше времени. Если наше финансовое положение позволит, мне хотелось бы несколько месяцев передохнуть.

Скотт перестал есть и посмотрел ей прямо в глаза.

— Кейт... Я много раз говорил, что решение — работать или нет — остается за тобой. Академический отпуск на год пойдет тебе на пользу, и мы не бедствуем, насколько я знаю. Кроме того, я не держу в секрете свои банковские счета, ты всегда можешь быть в курсе, даже не спрашивая меня.

Скотт оформил на Кейт доверенность, по которой она могла пользоваться его счетами, но ей все еще было неловко тратить деньги мужа. Она не хотела подражать своей матери, которая никогда не работала и всегда жила на иждивении своего супруга.

— Ярываюсь между желанием работать и стремлением посвятить себя детям.

— Правда? А может, ты просто... давишь на меня?

— На тебя? Нет, ты слишком упрям, это бесполезно.

— Будь честна со мной.

— Я всегда честна с тобой, Скотт! Но каждый раз, когда мы заговариваем о Джиллеспи, ты не хочешь ничего слышать. Но для меня это было бы идеальным решением. Боюсь, что скоро дети начнут называть няню «мамой». Доверив их родным, я буду чувствовать себя спокойнее и свободнее.

— А я — напряженнее.

— Тогда мы в тупике.

Кейт казалось, что это очевидно для них обоих, но Скотт на секунду застыл.

— Я не хочу никаких размолвок между нами, — медленно произнес он, — и действительно подумаю об этом, когда ты будешь в Париже.

Был ли он раздражен ее настойчивостью или его беспокоили их разногласия? До сих пор между ними, безумно влюбленными друг в друга и совершенно счастливыми, с появлением на свет близнецов царила полная гармония. Скотт был на девять лет старше Кейт; он дорожил ею, помогал, предупреждал все ее желания и с их первой ночи, казалось, думал только о том, как сделать ее счастливой. Значит, всего этого было недостаточно для того, чтобы она отказалась от мысли поселиться в Джиллеспи?

— Я подтвердил твою бронь, — сказал он, чтобы сменить тему. — Отель «Одеон» находится в самом центре старого квартала, в котором ты жила, тебе там понравится.

Прогулки к Сен-Жермен-де-Пре и в Люксембургском саду обязательно напомнили бы ей о детстве, но сегодня эти далекие воспоминания мало трогали Кейт. В двенадцать лет она думала, что счастлива в Париже.

Потом ее родители развелись. И ее мать чуть ли не сразу вышла замуж за Ангуса Джиллеспи, шотландца, находящегося проездом во Франции. Три месяца спустя Кейт с тремя братьями летела на самолете в Глазго. Это была ужасающая перемена в жизни, и только дружелюбие Скотта скрашивало ее существование. Мысленно она воздвигла его на пьедестал и взяла в привычку думать о нем перед сном. И хотя он относился к ней как к младшей сестренке, ласково опекая и не допуская никакой двусмысленности в отношениях, Кейт безумно влюбилась в него, и с годами эта страсть не утихла. Благодаря Скотту она полюбила Шотландию, огромное поместье, продуваемое всеми ветрами, и своего будущего тестя Ангуса. Позднее, изнывая от горя, она переживала роман Скотта с красавицей Мэри, на которой он чуть было не женился. Она и сама едва не обручилась с прекрасным парнем, но в конце концов ее мечта сбылась: однажды Скотт посмотрел на нее влюбленными глазами.

— Я отправляюсь не в паломничество к местам детства, — весело объявила Кейт. — Мое место здесь, твоя страна стала моей. Надеюсь, что у Джона нет серьезных проблем — у него настоящий талант попадать в передряги.

— Наверное, жена не оставит его без поддержки.

Слоняясь без дела на винокурнях Джиллеспи, которые его совершенно не интересовали, Джон вскружил голову Бетти — бухгалтеру предприятия — и сбежал с ней во Францию. Там они поженились и с тех пор почти не давали о себе знать, если не считать призыва о помощи, который Кейт получила восемь дней назад в виде краткой, но тревожной эсэмэски. Скотт встал и обнял ее за плечи.

- При любых неприятностях звони.
- Я в любом случае буду тебе звонить.

Он подошел к ней сзади, наклонился, поцеловал в шею, и она прошептала:

— Ты, наверное, уже сыт по горло моей семьей, да? Мы доставили тебе столько проблем...

- Но и величайшее счастье.

Кейт повернула голову и подставила ему губы. С ним она всегда чувствовала себя в безопасности, как за каменной стеной, но сегодня вечером ее мучила неясная тревога. Как будто над ними нависла какая-то смутная угроза. Но сейчас, когда Скотт обнял ее, она отогнала от себя все страхи.

* * *

Западный ветер, пришедший с моря, гонял по парку первые опавшие листья. Амели и Ангус, сидя на каменной скамье, наслаждались одним из последних теплых дней октября и не спешили возвращаться в дом. Чай в термосе, стоявшем между ними, окончательно остыл, и Амели выплеснула остатки на гравийную дорожку.

- Вернемся? — предложила она.
- Ты замерзла? — встревожился Ангус.
- Пока нет, но я хотела бы немного погулять.

Со временем между ними возникло некоторое согласие. В первые годы их сводная семья испытала немало бурь, но с тех пор, как родились близнецы, в ней установился хрупкий мир. Амели по-прежнему не любила Скотта, и было очевидно, что это навсегда. С другой стороны, Ангусу не удалось привязаться к троим сыно-

вьям Амели, от которых он не видел ничего, кроме неприятностей. Тем не менее, благодаря неожиданному браку Кейт и Скотта, они стали бабушкой и дедушкой общих внуков. Это событие их сблизило и сравняло их положение. Конечно, каждый продолжал защищать своих отпрысков, но перед Люком и Ханной таяли оба.

— Ты не разубедишь меня, что близнецам здесь будет лучше, чем в Глазго, — заявила Амели, вставая.

— Это решать их родителям.

— Интересы детей важнее всех остальных соображений. Я знаю, что Кейт будет в восторге, но вот незадача — Скотт этого не желает! А почему, спрашивается? Он же твердит, что *обожает* Джиллеспи, что это *его дом*, поэтому он первый должен ратовать за возвращение. Их квартира с этой смешной кухней слишком тесна, они сидят друг у друга на голове, в то время как у нас пропадает столько места! Все эти пустые комнаты...

Она с явным сожалением вспоминала, как изменилось Джиллеспи, когда она поселилась там с тремя сыновьями и дочерью. Пять новых человек нарушили молчаливую атмосферу поместья веселым шумом и гамом. Но теперь Джон был во Франции, Джордж заканчивал учебу в Эдинбурге, Филип уехал со своим любовником Малькольмом, а Кейт вышла замуж за Скотта. Старикки были предоставлены самим себе.

— Я очень люблю Мойру и Дэвида, — продолжала Амели. — Но с ними не слишком весело! А представь здесь близнецов, своего сына и мою дочь да, может быть, еще помощницу по хозяйству. Какие веселые были бы застолья!

— Несколько эгоистичный взгляд, тебе не кажется?